

КАЖЕТСЯ, его невозможно узнать в толпе, так он обыкновенен и неувидителен. Спортивная шапочка, надвинутая на глаза, куртка, джинсы, спрятанные в сапоги. Ходит быстро и энергично, без суеты и лишних движений. Кажется очень высоким за счет худобы и чуть нескладным, потому что слегка сутулится. Впрочем, нет, Андрей Болтнев ровен и спокоен, кажется, даже невозмутим. Но впечатление обманчиво...

Мы знаем о нем так мало или, вернее, так много, что одни абсолютно убеждены, что он — Кротов, равно как и другие уверены, что он — Иван Лапшин. Его имя вызвало кучу споров, он стал буквально «актером года». На сегодняшний день мы видели уже пять его ролей в кино, и вот в какой последовательности. Иван Лапшин («Мой друг Иван Лапшин»), капитан («Торпедоносцы»), директор завода (телефильм «Предел возможного»), Рогачев (телефильм «Тайга») и Кротов (телефильм «Противостояние»). Теперь он актер Театра имени Маяковского, а до этого играл в Новосибирском театре «Красный факел». Играл много, но сам Болтнев называет лишь Малисова («Мы, нижеподписавшиеся»), Мизгиря в «Снегурочке», Джордана (в «По ком звонит колокол»), хотя понятно, что сыграно явно больше. Но ведь не нарочно же он утаивает остальных?

ПОКА мы еще рассаживаемся в надежде поговорить о том, что такое Лапшин, кино, профессия и, наверное, что-то еще, разговор неожиданно выплывает на астрофизику, в которой один из нас ничего не смыслит, но терпеливо и вежливо слушает. Даже не пытаюсь задать вопрос, потому что неясно абсолютно все. Так почему астрофизика? Ну потому хотя бы, что это занятие настоящего мужчины. Позвольте, но вы тем временем выбрали себе иной удел. Молчит, но явно говорит: «И да и нет». И если «да» — ясно, но почему «нет»? Хорошо бы ответил.

— Мне было 24 года, и мои честолюбивые замыслы были далеки от театра. Впереди — вся жизнь, почему надо было останавливаться на чем-то одном? Но наверно, нельзя никакое дело делать наполовину: в детстве я участвовал в самодеятельности, танцевал. К тому же, оказавшись в Краснодарском театре за кулисами (я работал там монтером декораций), увидел, что такое актерская профессия — гигантский труд, требующий невероятных усилий самого разного рода. Мне показалось, что это работа, достойная мужчины.

...Он помнит день, когда собрался, сел на поезд и поехал в театральный вуз, поступать — 24 августа. К этому времени уже почти во всех училищах приемные экзамены были завершены — оставался Ярославль.

Даже в юности он обращался с собой, своим временем и образом жизни на редкость легко и свободно. В один день он выбрал себе вуз. Но так же легко он ушел с третьего курса и отправился в Уссурийск, где в театре проиграл три театральных сезона. С одинаковой пунктуальностью он вспоминает свои роли и удивительные, никогда прежде не виданные, пейзажи этого края. Болтнев невольно напоминает актера-разведчика (бывают ли такие?), он нередко забегал вперед, где почва еще не затвердела и надежное движение было затруднительно. А может быть, ему надоела даже малая надежность и стабильность, а «охота к перемене мест» жила в нем всегда...

Переиграв «все» в Уссурийске, он устроился в театр в Майкопе, и вроде бы все стало складываться «как у всех». Не знаю, были ли рады такому поступку домашние, но теперь его жизнь обрела постоянство и некоторый покой. Но, видимо, только почувствовал эту теплую волну. Болтнев переезжает в Новосибирск, тем более, что он женился на новосибирячке, и начинает осваивать свое актерское поле теперь уже в театре «Красный факел».

КАК складывается жизнь провинциального актера? Репетиции, гастрольные поездки, выездные спектакли, работа на основной сцене. Иногда появляются кинематографические иллюзии — то тот

то другой ассистент с какой-нибудь центральной киностудии приезжает, обласкивает вниманием и взором, увозит фотографию и клятвенно обещает, что актера ждет вызов на роль. По крайней мере на пробу! В томительных ожиданиях, обманах и самообманах проходят долгие дни, иногда годы. Иногда жизнь. Но тут его величество случай совершил поступок.

Впрочем, поначалу выглядело это до банальности узнаваемо. Приехал ассистент с «Ленфильма», посмотрел фотографии в фойе, посмотрел спектакли. Пообещал. И уехал. Во всяком случае было почти так. С той разницей, что Болтнев уже не питал никаких надежд, а вызов на пробы в Ленинград воспринял с радостью. В этом городе у него много родственников.

Как он сыграл Лапшина? Об этом можно писать долго, можно совсем не писать, потому что роль в фильме А. Германа

«Мой друг Иван Лапшин» достойна того, что она сыграна была бы и, к счастью, была — единственно возможным образом. Вряд ли ее нужно и можно играть иначе.

О Германе рассказывают длинные истории, из которых явствует, что это режиссер терпеливый, истинный и фантастически требовательный. Андрей Болтнев, разумеется, был далеко не первой кандидатурой на роль Лапшина. Он об этом, естественно, догадывался. Иллюзий — не было. Первая роль да еще главная, да еще дебютанту...

Спрашиваю его — каким был первый съемочный день, как запомнилось знакомство с Германом, что случилось тогда.

Болтнев смотрит на меня долго и внимательно. И не доверяет (тешу себя мыслью, что эта участь постигает всех, кто посягает на воспоминание). Потом крутил пустую коробку спичек (спички кончились и курить уже больше было нельзя, и Болтнева это раздражало) и сказал:

— Как только попал на студию, тут же меня подстригли. Этим обстоятельством я был очень огорчен! До съемок еще ох как далеко, а тут на тебе... Германа я до этого, конечно, знал, видел его фильм «Двадцать дней без войны», все очень нравилось... Первый съемочный день я пропустил. Была нелетная погода. Да я даже не знаю, что вам и рассказать? Мне было с ним так просто (не знаю, как ему со мной), было очень легко, свободно сниматься. Безусловно, я ему безгранично доверял, я ему верил во всем, потому что понимал, что у этого режиссера все подчинено какой-то более высокой логике (чем, положим, существовала у меня в тот момент).

Преодоление? Что такое преодоление?

Вы спрашиваете, какие у нас были трудности, что нам приходилось преодолевать? — Ветер. В то время был сильный ветер, он очень мешал.

И еще — мотоцикл «Индиана» 1924 года. Он уже давно устал и иногда явно не хотел сниматься. С ним иногда были проблемы. Больше никаких.

Если серьезно вспоминать, то конечно на этой картине я прошел большую актерскую школу, может быть, даже большую, чем в театре, и одолел киношколу, которая тоже требует определенных навыков, знаний и опыта.

Я вдруг неожиданно для самого себя научился моментально, в секунду, проживать жизнь, подходя к тому эпизоду, который предстояло снимать сейчас... Все время все было интересно: наши переезды — Астрахань, Ленинград, потом съемки в павильонах. Эта квартира —

ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

псевдореальная, но настолько точная во всех деталях, хотя без потолка. И это меня всегда веселило. Было какое-то невероятное смешение реальности и художественного вымысла.

Еще мне очень понравился процесс озвучивания. Открывались какие-то совершенно новые пласты, никогда прежде не предполагаемые. Герман прослушивал сцену, оставался доволен, но просил чуть-чуть сменить интонации. И теперь сцена звучала иначе, даже против того, что было. Она стала многослойной, в ней появился воздух, мысль могла развиваться вверх, да куда угодно...

— Андрей Николаевич, а не страшно вам было встретиться со временем, которое вы знаете, в сущности, только по произведениям искусства, что вам помогало в работе?

— А я время и не играл. (Время играли костюмы, декорации и т. д.). Я играл дело. А во все времена люди только и занимались тем, что делали дело. Это дело было разным, оно по-разному называлось, но всегда это было дело. Представьте, — Болтнев сделал какое-то неуловимое, но совершенно чудовищное движение, — представьте, что я Баба-Яга. Что она, по-вашему, делает? Творит зло? Нет. Она хочет есть. Такой прагматизм несильно шокирует, но именно это и надо играть.

Я не видела его Бабы-Яги, но помнила старый афоризм — «кто смел в суждениях, тот зыбок в надеждах». Это не надо было вспоминать. Вернее — это пришло на память совсем не вовремя. И отказавшись от подобных ассоциаций, стала спрашивать о всех, кто был после Лапшина.

— Потом мы почти всей нашей квартирой, за исключением старушки, «ушли» на «Торпедоносцы» к режиссеру Арановичу (напомню, это тот самый Аранович, который снял «Противостояние», в котором Болтнев сыграл Кротова, но подождем пока об этом). Была прекрасная теплая зима в Мурманске, роль, которая мне очень нравилась, поскольку я всегда играл бойцов, а тут просто любящий отец. У меня тогда еще не было детей, я понятия не имел, каким я буду отцом и поэтому в этой роли для меня был даже некоторый авантюризм. У меня был мальчик (сын по роли), с которым надо было установить контакт. Я рад, что мне это было интересно, что мне удалось наладить отношения с ребенком.

Потом был фильм «Предел возможного» — роль директора, который, поняв всю невероятность и сложность возложен-

ных на него дел, застрелился. А вот следующей была роль Каргапольского в фильме «Ломоносов». С каким трудом она мне давалась! Мне все время казалось, что я нахожусь в конфликте с самим собой.

Яркий, пышный, энергичный, весь в устремлении поднять Россию на дыбы — из Петрова гнезда. Но Петр умер, а его сослал, потому что он надоел всеми своими предложениями и проектами. Он страдает, спивается, но долг свой помнит. Увидев в поморском мальчишке способности, он делает все, чтобы выучить того, отправить в академию. Он для Ломоносова был, наверное, что Державин для Пушкина.

А потом было «Противостояние». Впрочем, пробовали и предлагали мне вовсе не роль Кротова. Не буду утомлять вас фамилиями, это была роль местного майора, ведшего расследование. Но мне было так интересно сыграть Кротова! Я с таким материалом еще никогда не встречался. Я, как никогда в жизни, был уверен в себе и убедил Арановича попробовать меня на роль Кротова. На счастье, он согласился.

— А вам было не страшно играть это чудовище?

— Это чудовище — страшно! Но играть очень интересно. Я почувствовал себя совершенно в новом качестве — играл человека, который был один на один со своей фанатичной целью. Собственно, он всю свою жизнь подчинил тому часу, когда он наконец сможет стать богатым и уехать. Это не значит, что я, сидя дома, или зимними ночами, думал, что надо сделать, чтобы этот образ обрел реальность. Видимо, интуитивно я догадывался, каким этот враг должен быть, в некоторых случаях я даже был уверен, что он может поступить только так, а не иначе. Мы искали вместе с Арановичем, искали, как говорится, ошупью, но ведь не все же у нас состоит из коры головного мозга...

Болтнев помолчал и совсем по-детски радостно улыбнулся.

— Я рад, что он вам не понравился.

ОН РАССКАЗЫВАЛ о Кротове, а я невольно возвращалась к Лапшину. Практически за один год появиться на экране Лапшиным и Кротовым удается не всегда. Ему удалось. Тем более, что он радикально изменил наше представление о положительном герое, и теперь ему, чтобы существовать в нашем воображении, надо изменить себя. Болтнев, обладая актерской интуицией, о которой уже написаны пуды аналитической литературы, сделал это естественно и изящно. В нем вдруг проявилось какое-то грибоедовское начало, которое теперь почти забыто и в диковинку...

Но вот он сыграл эти роли, чем, честно говоря, потряс наше воображение. А что же он будет делать дальше? Представьте, у него есть на это ответ. Вернее — роль. Он снялся в фильме «Поездки на старом автомобиле». Это комедия, в которой они (вместе с Людмилой Макосяковой) сыграли роли молодых дедушки и бабушки, которые вовсе не опечалены этим фактом. Даже наоборот — их чувства вспыхнули с новой силой. Надо добавить, что сценарий жизнеописаний этих молодых старичков написал Э. Брагинским, но сюжет весьма запутан, так что, пересказывая его, мы лишим удовольствие зрителей. А делать этого не хочется. Потому что посмотреть Болтнева в этой роли весьма заманчиво.

Да, чуть не забыла самое главное. Это касается, правда, только москвичей, впрочем, и самого актера — тоже. Сейчас он готовит роль в спектакле Б. Васильева «Завтра была война», премьера которого скоро состоится.

При его весьма реальных представлениях об азарте, кураже, успехе он должен одержать победу и тут. Потому что, что бы ни говорили, — важна не битва за победу, а сама победа.

Л. ИГУМНОВА.

Фото А. ПОТАПОВА.